

113- 10438.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Книжка 4.

ХАРЬКОВЪ.
1833.

58

74

22492 - 1834

ВЪ СТОЛЪХЪ И ПРОЗѢ

ЗВѢДЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

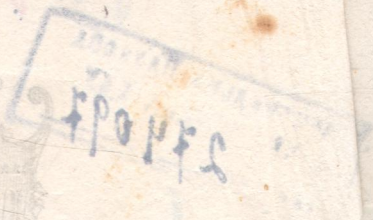
ВЪ СТОЛЪХЪ И ПРОЗѢ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чѣшбы по оппечашаніи представлены были въ
Цензурный Комишешъ шри экземплара. Москва, Декабра
22 дня 1833 года.

Въ Москвѣ

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1834.

82

NT

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издашель пріятнымъ долгомъ почишаешъ свидѣшельсшвовашъ чувствшшельнѣйшую свою благодарносшь пѣкошорымъ почшннымъ и уважаемымъ въ лишшерашурномъ мѣрѣ особамъ, почшвшимъ его лесшнымъ для него вниманіемъ и не подписавшимъ подъ присланными ими спашьями именъ своихъ; шакже П. И. Срезневскому, П. И. Иноземцову и другимъ, сообшцшв лшмъ спашьи свои для сей книжки.

Любшшели Словесносши, безъ сомнѣншя, сверхъ многшхъ другшхъ піесъ съ удовольсшвіемъ прочшшшь здѣсь: *Недобрый глазъ*, Мало-россійское преданіе П. Б. Байскаго и *Недосозданіе*, О. М. Сомова, послѣдншя произведеншя сего Писателя, присланныя шмъ не задолго до его кончшны. Покойный О. М. Сомовъ, если не по пребыванію, шо по крайней мѣрѣ по мѣсту

своего рожденія и воспишанія (въ Харьковскомъ Университетѣ) принадлежишь къ числу Украинскихъ Писателей и занимаешь между ими почешное мѣсто.

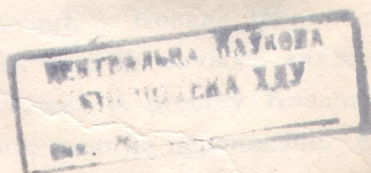
Издашеть нужнымъ считаешь сказать, что хоша онъ и предполагалъ издашь только одну книжку, но въ послѣдствіи въ необходимости нашелся, не возвышая цѣны, объявленной при подпискѣ, издашь двѣ. Такимъ образомъ, въ первой заключаюся одинъ только произведеніе, писанныя по-Русски; во второй—спашьи, писанныя на Малороссійскомъ и Украинскомъ нарѣчіяхъ. По сей причинѣ и печашаніе оной признано за лучшее сдѣлать въ Харьковѣ, подъ наблюденіемъ самихъ авшоровъ.

И. Петровъ.

Харьковъ.

1 Ноября 1833 года.

ПРОЗА.

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗЪ.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

I.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы, да и Козакъ Никиша человекъ нескудный: на четырнадцать паряхъ воловъ чумаковъ опправляешь, шо на Донъ по рыбу, шо въ Крымъ за солью; а все волы большіе, крупорогіе, широкочелые, съ опшиянуыми пахами, съ сѣдлованымъ хребтомъ, съ навислою, волосастою грудвиной. А на выгонъ у Козака Никипы пасется косякъ коней, что ни самыхъ лихихъ, что ни самыхъ борзыхъ. А дома у Козака Никипы добра столько, что не переписатьъ въ недѣлю и бойкому скорописцу. Еще же, говорящъ люди, что у Козака Никипы есть завѣтная скринька съ дукашами, да серебра столько, что четверикомъ не загребешь.

II.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы: и Галя чернобровая, и Докійка румяная, и Нашалка бѣлолицая. Опець и маць научили ихъ страху Божію. Любо смотрѣшь, какъ онѣ, въ лѣшніе праздники и дни воскресные, идущъ къ обѣднѣ чинно и смиренно, въ бѣлыхъ понкахъ куншошахъ съ спроченными усами, въ сафьянныхъ чоботахъ съ подковками, въ разноцвѣтныхъ скиндячкахъ, размешанныхъ по плечамъ, и съ цвѣтами махроваго маку, чернобривцами и барвенками въ волосахъ. Всѣ парубки шогда на нихъ заглядываючися и швердящъ, почесывая за ухомъ: «Ой, шяжко хорошія дочки, и вельми богашый бацько!»

III.

Сидишъ Козакъ Никипа на прилавкѣ за ворошами, куришъ Роменскій шабакъ изъ кореньковой шрубки въ мѣдной оправѣ и посмаприваешъ на свѣшъ Божій. Вонъ видишъ онъ: за селомъ по дорогѣ пыль вѣшся клубомъ, скачешъ ѣздокъ, сломя голову; вонъ внесся въ село, ближе и ближе; подъ нимъ конь какъ звѣрь, черенъ какъ вороново крыло, изъ ноздрей дымъ валишъ какъ изъ винокурни. Вонъ поравнялся ѣздокъ съ Козакомъ Никипой, напаянулъ повода — и конь уперся ногами въ землю,

согнулъ шею кольцомъ, уключилъ голову, заржалъ и засверкалъ бѣлыми своими глазами, такъ, что Козаку Никипѣ почудилось, будто искры полетѣли во всѣ стороны.

IV.

— «Здорово, добрый человѣкъ!» сказала проѣзжій. — «Богъ помочь!» отвѣчала Козакъ Никипа, вынувъ трубку изъ рта и приподнявъ шапку. «Куда Богъ несетъ?» — Козаку Никипѣ показалось, что проѣзжій дважды моргнулъ усами, а конь его дважды фыркнулъ. — «Бѣду я далеко, далеко: отсюда глазомъ не смѣряешь и не одни *постолы* изобъешь, пока пѣшкомъ дойдешь. Да не въ шомъ дѣло, а вошъ въ чемъ: гдѣ бы мнѣ ночлегъ найши?» — «Милосни просимъ! рады добрымъ людямъ. Богъ про всякаго посылаетъ человѣку хлѣбъ насущный.» — Проѣзжій молча сошелъ съ коня, повелъ его за поводъ, привязалъ къ столбу подъ навѣсомъ и вошелъ въ хашу съ Козакомъ Никипой.

V.

Не притожъ былъ эшопъ проѣзжій: лице блѣдное, ни кровинки, носъ полстый, луковичей, губы впянуныя; по обѣ стороны лица шорчали клоками скомпенные, рыжіе усы;

такія жъ рыжія брови густо нависли внизъ какъ щепина, и заслоняли глаза такъ, что ихъ во все не было видно; красно-рыжій оселедецъ какъ полоса запекшейся крови пролегалъ по виску и вился за ухомъ. Еще скажу: не пригожъ былъ проѣзжій! — Онъ съ виду былъ не спаръ и не молодъ; какая-то кислая ужимка вмѣсто усмѣшки и глухой голосъ, вырывавшійся изъ горпани, какъ изъ могилы, не сулили въ немъ ничего добраго. На немъ былъ жупанъ шонкаго сукна; за Персидскимъ кушакомъ зашкнупъ былъ Турецкій ножъ съ серебряною рукояткой, на кошорой какъ жаръ горѣли дорогіе каменья. Не помолясь Богу, какъ водились у Православныхъ, и чуюсь головою кивнувъ хозяйкѣ и дочкамъ, сѣлъ онъ безъ чиновъ за столъ и заломался, словно въ шинкѣ.

VI.

— «Какъ вижу, вы изъ Запорожцевъ, добродію?» спросилъ его Козакъ Никипа. — «Моженъ спашься,» былъ ему отвѣтъ. — «И давно уже гарцуете съ молодцами?» — «Да не со вчерашняго дня.» — «А какъ васъ величаютъ?» — «Лавро Хоробитъ.» — «Что подумаешь: куда вы много положили бусурманскихъ головъ на своемъ вѣку!» — «Было всякихъ; пусть ихъ лежатъ.» — «А далеко

вы часомъ хаживали на войну?» — «Да; изъ
вашего села галки шуда не залепали.» — «И
много, чай, шудовъ понесли?» — «На доб-
рой парѣ воловъ всѣхъ не свезешь.» —
«Чшо-шо, какъ поразскажунъ бывалые чу-
маки, за приволье въ бусурманскихъ земляхъ!
чшо за мѣсна богатыя! чего шамъ не ро-
дился!» — «Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.» —
«А какое злое племя Турки да Татаре!» —
«Есть и Христіане не лучше ихъ.» — Ко-
закъ Никиша смекнулъ, чшо госпъ не под-
дается на разспросы и чшо онъ него пуш-
наго слова не добъешься; онъ взглянулъ изъ
подлбья на проѣзжаго и замолчалъ.

VII.

За ужиномъ, проѣзжій госпъ зарился сквозь
навислыя свои брови на пригожихъ дочекъ
Козака Никишы, какъ щука зарился сквозь
проспникъ на маленькихъ рѣзвыхъ рыбокъ;
но красавицы не слышали онъ него ни од-
ного привѣща, ни одного слова. Угрюмо си-
дѣлъ онъ и только пыхпья попыгивалъ за-
пеканку и шерновку Козака Никишы. Когда
же взглядывалъ порою на кошорую нибудь
изъ дѣвушекъ, ша невольно опускала глаза
внизъ, не онъ спыда, а онъ спрахъ: кра-
савицъ пугали эти взгляды невидимаго глаза,
чунъ чунъ свѣнчившагося изъ-за гуспыхъ,

рыжихъ бровей. Госпъ вспаль изъ-за спола, какъ и сѣлъ за него: не помолясь Богу, не сказавъ добраго слова хозяевамъ. Чпо за челоуѣкъ былъ онъ? Всѣ думали, гадали, и никпо не могъ дознаться.

VIII.

Всю ночь выла подъ окномъ собака, и душно и жудко было красавицамъ. Онѣ не могли спать, поминушно ворочались въ постелѣ, и если на мигъ забывались, то спрашныя грезы пошчасъ перерывали ихъ сонъ. То слышалось имъ похоронное пѣніе и звонъ по покойникъ; то незнакомый госпъ смопрѣлъ на нихъ такими глазами, такими глазами, чпо холодъ сжималъ имъ грудь, захватывалъ дыханіе и оковывалъ льдомъ всѣ ихъ соспавы. Красавицы мешались, спенали сквозь тяжкій сонъ, пробуждались въ спрахѣ и по упру вспали съ тяжелыми головами и смущеннымъ духомъ.

IX.

— «Слушай, Козакъ Никиша, сказалъ Хоробишъ своему хозяину поупру за снѣданьемъ: «ондай за меня свою дочку Галю чернобровую.» — «Моя дочка Галя уже просватана: женихъ изъ хорошаго рода и челоуѣкъ

досташочный ; а кто безъ причины жениху
отъ зарученой невѣсмы откажешь , того
Богъ накажешь.» — «Такъ опдай за меня
Докійку румяную.» — «У моей дочки Докійки
по же естъ женихи на славу. Богъ помо-
жешь , одну подъ вѣнецъ оппустимъ , а за
другую ручки подадимъ.» — «Ну , хопъ
Нашалку бѣлолицую.» — «Моя дочка Нашалка
дишя молодое, ничего еще не знаешь. Гдѣ жъ
ее опдай въ такую дальнюю спорону?» —
«Опказалъ ты мнѣ , Козакъ Никиппа , накор-
милъ ты меня *петеньмиъ гарбузомиъ* ; смопри
же , чпобы послѣ не каешься.» — «Чпо бу-
дешь , по будешь ; а будешь по , чпо Богъ
велишь!» отвѣчалъ Козакъ Никиппа.

Х.

Ни слова не сказалъ больше Лавро Хоро-
бищъ и пошелъ сѣдлашь своего вороного ,
копорый ржалъ и сарпалъ и билъ копышами
землю. Тогда вошли въ хату при дочки Ко-
зака Никиппы. Онѣ вышли изъ своей свѣпли-
цы , думая , чпо проѣзжій госпъ уже уска-
калъ и больше не ворошится. А вопъ и онъ ,
какъ съ дуба сорвался , идешь гордо и осан-
ливо , побрякивал серебромъ и золомомъ. —
«Вопъ шебѣ , хозяинъ , за ночлегъ и за ла-
ску,» молвилъ онъ , опустя руку въ кишеню
и вынувъ полную горсть серебряныхъ де-

негъ. — «У насъ не постоялый дворъ и не шинокъ,» опивчалъ Козакъ Никиша съ досадою: «проѣзжихъ угощаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а денегъ за хлѣбъ-соль ни съ кого не беремъ.» — «Такъ позволъ же мнѣ подарить пивохъ дочекъ на память!» сказалъ Хоробитъ, и запустия снова руку въ кошею, выпощилъ горсть золотыхъ вещицъ. У дѣвушекъ глаза разбѣжались на перспини, на серьги, на дорогія монеты и запонки. Какихъ штукъ не было и вѣдомъ, и цѣшомъ, и цѣною! Однѣ какъ жаръ горѣли, другія свѣпились, какъ ночью глаза у кошки, на иныхъ сверкали радуги, ярче шой, чпо спускаешся съ неба на землю и пьешъ воду изъ ручьевъ и колодязей. Дѣвушки по любовались дорогими вещицами, по переглядывались другъ съ другомъ, по изкоса посмащивали на опца: куда дѣвался и спрахъ онъ проѣзжаго! — «Берипе, коли добрый человекъ даешъ на память,» сказалъ имъ опецъ: «эпо даръ, а не плаша.»

XI.

— «Начинай ты, Галя чернобровая!» сказалъ Лавро Хоробитъ: «подойди и выбери, что шебъ приглянешся.» — Галя подошла, прощанула руку къ сполу, взглянула на Хоробитша — и вскрикнувъ, опскочила прочь,

словно на змѣю наступила. — «Экая спыдли-
вая!» молвилъ смѣясь проѣзжій: «ну, бышь
пакъ; коли ты не хочешь, пущь выбираешь
себѣ Докійка румяная.» — Докійка подспуни-
ла поближе, посмошрѣла на подарки и на го-
спя — и пакже вскрикнула, и пакже оп-
сочила не вспомнясь. — «Вошъ пакъ! куда
одна, шуда и другая,» сказалъ Хоробишъ съ
пѣмъ же смѣхомъ. «Твоя очередь, Нашалка
бѣлолицая!» — И Нашалка робко подвинулась
впередъ, невольно посмошрѣла на проѣзжаго —
вскрикнула и чущь не упала. Ей показалось,
чно рыжія брови Хоробиша дыбомъ поднялись
вверхъ, какъ иглы на ежѣ, а изъ блѣдно-сѣ-
рыхъ глазъ его спруею полились на нее двѣ
шонкія ниши свѣша, оспраго, жгущаго, мер-
швящаго. Опъ него и дрожь пробѣгала по
пѣлу, и страхъ зароялся въ душу, и шоска
впивалася въ сердце. Таковъ-то не добрый
глазь: на зеленый лѣсъ взглянешъ — и зеле-
ный лѣсъ вянешъ!

ХІІ.

— «Ну, спасибо за вашу хлѣбъ-соль: буду
ее помнишь, да и вы меня не забудете, хоть
дочки ваши поспѣсивились и не взяли моихъ
подарковъ,» сказалъ Хоробишъ, поглядѣвъ
на дѣвушекъ такимъ взглядомъ, какимъ де-
монъ смолришъ на душу человѣческую. А

онъ, бѣдненькія, сплюли сложа руки креспомъ и дрожали всѣмъ тѣломъ. — «Прощайше,» примолвилъ онъ: «не поминайше лихомъ!» и засмѣялся шакъ, что у всѣхъ на душѣ похолодѣло. Тушъ разомъ за дверь, скокъ на своего лихаго коня — и слѣдъ проспылъ.

ХІІІ.

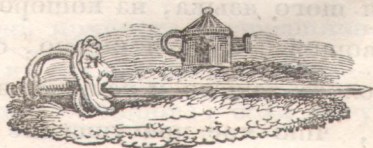
— «Неня! мнѣ шажко, мнѣ нудно!» говорила Галя чернобровая. — «Неня! меня морозъ подираешъ по кожѣ; руки и ноги — все какъ во льду, а внушри горишъ,» говорила Докійка руминая: ахъ! она ужъ была блѣднѣе полошна. — «Неня! у меня голова пирещипъ опъ боли, и свѣшъ идешъ кругомъ, и все въ глазахъ шемнѣ да шемнѣ,» говорила Напалка бѣлолицая. — «Спаси, спаси насъ, неня!» швердили всѣ шрое, «спаси насъ опъ лихаго человѣка! Призови знахаря: пусшъ опшворожитъ силу недобраго глаза!» — Напрасно! ни знахарь, ни кто не помогъ: чѣмъ дальше скакалъ Хоробишъ, тѣмъ шажеле шановилось красавицамъ. Съ закапомъ солнца, закапился и у нихъ свѣшъ въ ясныхъ очахъ.... Ночью набожныя шарушки собрались сидѣшъ при восковыхъ свѣчахъ у широкаго спола, на кошоромъ лежали подъ бѣлою пеленою шри покойницы; дѣлтокъ заунывно

чишалъ надъ ними псалмирь. Опецъ и мапъ сами чупъ дышали съ шоски и гореспи.

XIV.

Стоишь среди кладбища за селомъ большая часовня; на часовнѣ при креста; подъ часовней высокая и широкая могила. Въ той могилѣ похоронены при дочки Козака Никишы. Люди добрые, идучи мимо, крестяшся и моляшся: «Пошли, Господи, вѣчный покой и вѣчную память покойникамъ!» Послѣ каждый, волей и неволей, приговариваетъ: «И пусть не будетъ добра, ни на семь свѣтъ, ни въ будущемъ, злему человеку, который змѣинымъ своимъ глазомъ изсушилъ и извелъ при прекрасные цвѣтка свѣжіе и пышные!»

Порфирій Байскій.

Отрывокъ изъ романа:

РАИСОДИИ.

ЛОРЕНЦО.

«За чѣмъ ты ее впустилъ? сказалъ Лоренцо гнѣвнымъ голосомъ своему Жаку. Я тебѣ уже нѣсколько разъ подтверждалъ, чпобы ты, кромѣ нищихъ и калекъ, никакихъ просишелей и просишельницъ съ бумагами ко мнѣ не допускалъ!» —

«Хотя я того языка, на которомъ вы изволише говорить, и не понимаю, однако изъ гнѣвнаго голоса вашего и вашихъ взоровъ догадываюсь, чпо мое присушствіе вамъ непріятно; сказала женщина, держащая въ рукахъ бумагу, одѣшая бѣдно, но чистю и опрятно. Извинише, Милоспивый Государь, чпо надежда меня къ вамъ привела. Надежда насъ всѣхъ водить, многихъ обманываетъ.

Желаю , чѣшбы ваши надежды всегда исполнялись ; мою же неисполненную я назову — Лоренцо.»

Лоренцо , слыша голосъ и языкъ образованные , видя во всей фигурѣ сей женщины нѣчто , свидѣтельствовавшее счастливейшіе нѣкогда дни , смятчился. — « Да что тебѣ надобно ? что ты ? спросилъ онъ , спараясь улыбкою скрыть свое замѣчаніе. » —

« Я — Полковница , » отвѣчала она , « была счастливою супругою ; мужъ мой палъ въ сраженіи противъ непріятеля ; теперь я — бѣдная вдова , и нищѣ жизни моей прядущъ милосердыя руки. »

« Какъ же васъ зовущъ ? » спросилъ Лоренцо въ смущеніи.

« Меня многіе знаютъ , » отвѣчала она , « и всѣ зовущъ меня Полковницею ; имя же мое извѣстно здѣсь только одному. »

« Что же вамъ угодно ? » спросилъ Лоренцо.

« Желаю , чѣшбы рука ваша опроверзлась для подаенія мнѣ помощи ; возвративъ вамъ даннаго я не въ соспояннѣ ; взаимными услугами вознаградивъ — гошова , если могу. »

Лоренцо обратилъ взоръ свой на заходящее солнце и синѣющіяся вдали горы. Вдругъ обратился опять къ ней и опривисно сказалъ : « Я за оказанную услугу не требую вознагражденія. Чѣмъ могу служивъ ? »

«Если вы не принимаете моихъ услугъ, то я должна опказаться опъ вашей помощи; одни только нищіе взявши, исчезаютъ; я — бѣдна.»

«Спранная женщина! воскликнулъ Лоренцо. Какія же вы можете мнѣ оказать услуги?»

«Вопросъ вашъ походитъ на условіе,» сказала Полковница; «въ такомъ случаѣ я должна васъ спросить, какую вы мнѣ можете оказать помощь?»

Лоренцо находился въ великомъ замѣшательствѣ, въ которое привели его званіе, ловкость и всего болѣе присущіе духа просительницы. Чтобы избавишься опъ разговора, который началъ завязываться, онъ подаль ей молча червонецъ.

«Нѣтъ, сударь,» сказала Полковница, «единовременнаго подавнїя я не принимаю; не угодно ли вамъ будетъ, пожаловать мнѣ записку, что вы не обременяетесь назначить мнѣ что нибудь годовое?»

Лоренцо покачалъ головою: новостъ требованїя его заманила; онъ исполнилъ ея предложеніе. Подавая ей записку, «когда прикажете,» спросилъ онъ, «выплашишь деньги?»

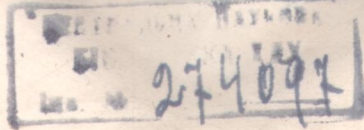
«Не безпокойтесь! когда вамъ угодно. Я живу въ двухъ миляхъ опъ города въ лѣсу, гдѣ благодушелями моими куплено мнѣ мѣстечко и построено небольшой домикъ. Сюда, въ городъ, я являюсь всегда черезъ мѣсяцъ,

живу только три дня, на четвертый возвращаюсь домой. Если я вамъ нужна буду, то извольте или сами пожаловать ко мнѣ, или прислать за мною.» — Поклонившись, пошла. Въ дверяхъ остановилась, и обратившись къ Лоренцу сказала: «вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ — шамъ готовившихъ пышная свадьба — Маркизь Доримедонно вступаешь въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.»

Лоренцо споялъ, какъ пораженный громомъ. Полковница исчезла. Солнце уже скрылось за горами и пурпуровая полоса надъ вершинами попухала.

Въ сію минуцу вошелъ въ комнату Джіакомо. «Поздравляю съ визитомъ, Графъ,» сказалъ онъ. «Конечно она походила на монетный порпиретъ, на кошоромъ нѣжнѣйшія черпы отъ часпато употребленія изгладились; но пріятноссть лица, и даже нѣкошорые слѣды опцвѣтшей красоны еще заманчивы; улыбка безподобная, а фигура вообще живописная.»

Лоренцо не опвѣчалъ. «Право,» продолжалъ Джіакомо, подходя къ ландшафту, кошорымъ Лоренцо предъ шѣмъ занимался, «съ такою Юноною побесѣдовать въ кабинетѣ, или прогуляться — вошъ въ такой роцифъ, или

прислушивались къ шумному печенію рѣки — вопль на шакомъ берегу, или укрылись подъ навѣсомъ шакой скалы, какъ блаженной памяпи скромный Эней съ величавою Дидоною, хопя и неизвѣстно, что они тамъ дѣлали — это не худо, во многихъ отношеніяхъ даже полезно. — Но что съ вами сдѣлалось, Графъ? — Вы разспроены! — Не уже ли Діана ошказала Эндимиону съ Исполиновыхъ горъ, или и Графъ и живописецъ въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ ошиблись?» —

«Послушай, Джіакомо,» сказалъ Лоренцо, «ославъ на минушу пвои нелѣпости и пвою вѣтренность, и если ты меня хопь нѣсколь-ко любишь, то выслушай меня со вниманіемъ. Женщина, кошорал у меня была, и съ кошо-рою ты конечно встрѣтился, приходила про-силь подаянія, и, уходя, на порогъ обрати-лась ко мнѣ и сказала пономъ всевѣдущей вѣспницы: ты въ Венеціи имѣеши знакомыхъ; тамъ гоповишься пышная свадьба; Маркизь Доримедоншо вступаешъ въ бракъ съ преле-сною Жозефиною Пизани.

«Какъ!» вскричалъ Джіакомо, «что за чортъ? а Графъ Кольмаръ?»

«Графъ Кольмаръ?» сказалъ Лоренцо. — «Если это справедливо, то Графъ лишится того, что ему было драгоценнѣйшимъ на свѣтѣ,

1801/2

и послѣ сего жизнь для Графа Кольмара есть пусшая скорлупа, не имѣющая никакой цѣны, кошорую съ презрѣніемъ можно раздавить.»

«Постойше, Лоренцо, не шоропишесь. Все эшо мнѣ кажется вздоромъ. Подумайше! во первыхъ нищяя.» —

«Нѣшъ,» перервалъ Лоренцо, «не нищяя, а бѣдная.»

«Во впорыхъ,» сказалъ Джіакомо, «нищяя — бѣдная — низкаго разбора, прислушивающаяся къ рѣчамъ» —

«Нѣшъ,» перервалъ Лоренцо, «не низкаго разбора, она Полковница.»

«Въ прешьихъ,» продолжалъ Джіакомо, «нищяя, бѣдная, низкаго разбора Полковница, желающая выманишь нѣсколько денегъ» —

«Нѣшъ,» перервалъ Лоренцо, «не выманишь нѣсколько денегъ; она не приняла единовременнаго подавнїя, а согласилась шолько на ежегодное вспомошествованіе.»

«Тѣмъ лучше для нищей, бѣдной низкаго разбора Полковницы. Щедрость ваша мнѣ извъспина, и она вѣрно оспалась довольною. Ни за что, ни про что годовое жалованье! Bravo! bravissimo!»

«Не бѣси меня, Джіакомо. Знай, что она вызвалась мнѣ оказывать взаимныя услуги, и

полько на эпомъ основаніи претовала вспо-
моществованіа.»

«Хипраля баба! годовое жалованье впередъ ,
а услуги» —

«Ты говоришь вадоръ! она ничего не взяла.»

«Ого! *generosissima Signora!*»

Лоренцо глядѣлъ ему въ глаза. — «Тѣфу
пропасъ!» сказалъ Джіакомо, по нѣкошоромъ
молчаніи, «ничего не понимаю! Нищяя—Пол-
ковница — годовое жалованье — условіе — Мар-
кизь Доримедоншо — шупъ должна бытъ ,
кажешся, связъ.»

«Я шо же думаю,» сказалъ Лоренцо, «а по
сему и поручаю шебъ, любезный Джіакомо,
опыскашь эпу Полковницу и доставишь мнѣ
подробнѣйшія свѣдѣнія; на чшо я шебъ даю
двадцать чешыре часа времени.» —

«А чортъ ее знаешъ, гдѣ она живешъ?»

«Она и эшаго опъ меня не скрыла, она жи-
вешъ въ лѣсу, въ двухъ миляхъ опсюда.»

«А въ какомъ, Ваше Сіяшельство? Лѣсовъ
и рощицъ здѣсь много.»

«Двадцать чешыре часа, Джіакомо, и пом-
ни, чшо сіи двадцать чешыре часа пшвой
другъ, Графъ Кольмаръ, будешъ живъ въ
адѣ!» — Сказавъ сіе, Лоренцо ушелъ въ
свой кабинетъ. Джіакомо не посмѣлъ за нимъ
слѣдовать.

ГРАФЪ КОЛЬМАРЪ.

«И такъ, милая Синбора Розалія,» сказалъ Джіакомо, обнимая прелесный спанъ ея, — «и такъ» —

«И такъ, Синборъ Джіакомо,» сказала Розалія, «и такъ — довѣренность должна быть взаимная. Или вы должны быть злой чело-вѣкъ, вывѣдывающій другихъ для своихъ ви-довъ и выгодъ, хотя бы они и сопряжены были съ несчастіемъ другихъ; или вы испы-тали сколько коварства и обмановъ, что ваше отъ природы доброе сердце преиспол-нилось желчью недовѣрчивости. Въ обоихъ случаяхъ вы заслуживаете сожалѣнія.»

«Ни то, ни другое, прелесная Розалія,» сказалъ Джіакомо; «но дружба имѣетъ свои права.»

«А любовь свои секреты, Синборъ Джіа-комо? Ни ихъ, ни другихъ я нарушать не намѣрена.»

«Ахъ! любовь! — любовь!» — сказалъ Джіа-комо вздохнувъ и поцѣловавъ руку Розаліи. «Ахъ! изъ сего рая жизни быть изгнану! — Уже сверкаетъ пламенный мечъ Ангела гроз-наго, грошоваго изгнанъ щасливыхъ, и, пре-градивъ возвращенный путь къ блаженству, предастъ ихъ всѣмъ мученіямъ поски, и скор-би и опчальнія! Да обративъ судьба отъ насъ такое зло!»

«Ахъ, Джіакомо!» сказала вспрѣвоженная Розалія. «Не говорите объ этомъ. Одна мысль наводиль на меня ужасъ!»

«Да ошврашишь судьба онъ насъ такое зло!» повшориль Джіакомо нѣжнымъ голосомъ.

«Ради Бога, Джіакомо! переспаньте меня пугашъ!» воскликнула Розалія.

«Человѣкъ — пловецъ на океанѣ жизни!» сказалъ Джіакомо. «Ясное солнце вливаешь бодрость и радость въ его душу, попушный вѣспрь живишь его надежды! Но вдругъ прошивные порывы выгоняють изъ-за горизонпа собравшіяся тучи; солнце скрывается, небо являетъ грозный видъ, буря реветъ, и ушлая доска ошдѣляетъ его опъ бездны! Волны несутъ! Ахъ! одинъ ударъ о подводный камень, и щепа разлетѣлась — и нѣтъ спасенія! — Благородная, великодушная Розалія! Тучи уже набѣгають! Спаси, до бури, пловца — моего друга!»

«Джіакомо! говорите! я гошова сдѣлашь все, что могу!»

«Желаю только знать, гдѣ живетъ Полковница. Мой другъ Лоренцо хочетъ самъ съ нею объяснитьсь.»

«Вашъ другъ — Графъ Кольмаръ.» — Джіакомо вскочиль. «Какъ!» воскликнуль онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, «вы знаете» —

«Знаю, Синьоръ Вольдемаръ, знаю.» — Удивленіе Джіакома возраспало; онъ споэль по-

раженный, смущенный симъ неожиданнымъ опкрытіемъ. — «Чему вы пакъ удивляешесь?» продолжала Синьора Розалія. «Кажется, что удивляться надобно мнѣ, удивляться, что вы — опытный, умный Синьоръ Джіакомо, считали возможнымъ опъ любопытства женщины, пылающей къ вамъ любовію, скрыть свои секреты. Вы мужчины молчаливы, а мы женщины хитры; вашей молчаливости измѣняющъ, а нашей хитрости помогающъ обшопшельства.»

«Да какъ вы это узнали?» спросилъ смущенный Джіакомо.

Розалія улыбулась. «Вы не повѣрите,» опвѣчала она, «если я вамъ скажу, что молчаливый Синьоръ Джіакомо самъ все вывелъ наружу.»

Джіакомо выспавилъ на нее свои глаза.

«Да, самъ вывелъ наружу,» продолжала Синьора. «Помните ли вы, Джіакомо, какъ вы однажды пришли ко мнѣ угрюмый, невеселый, задумчивый, разспроенный, и не хотѣли мнѣ сказать, что съ вами случилось. Я позволила вамъ ночевать у меня; вы заснули. Но я, превожась вашимъ разспройствомъ, сидѣла въ креслахъ возлѣ васъ, и наблюдала за вашимъ покоемъ. Вы начали бредить; говорили много по Италіански, по Французски, и, къ удивленію моему, по Нѣмецки. Вы нѣсколько разъ повпорили ими

Лоренцо, называя его Сіяпельсвомъ, Графомъ Лоренцо, и живописцемъ Кольмаромъ; называли меня, увѣряли меня, что вы мой вѣрный Вольдемаръ и пр. Вы во снѣ говорили, все смѣшивая и перемѣшивая, но мнѣ бодрспивавшей не шрудно было привесши все въ надлежащую связь, чему не мало способствовало то обстоятельство, что вы скрывали отъ меня свою родину, и вдругъ заговорили на опечесивенномъ своемъ языкѣ. Вы хранили свою шайну, а я хранила свою. Но присовокупляю, что я ничего болѣе не знаю, какъ только то, что живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, а вы не Джіакомо, но Вольдемаръ. Въ началѣ я, правда, еще сомнѣвалась; но когда вы подарили моей Терезіи золотыя сережки, то я разсмотрѣла бумажку, въ которой онѣ были завернуты; это было писмецо Французскими лицерами на Нѣмецкомъ языкѣ писанное къ Вольдемару и подписанное Графомъ Кольмаромъ. Я спрашала это писмецо; а на другой день послала своего Піетро къ живописцу Лоренцо съ записочкою, чтобы онъ благоволилъ меня увѣдомишь, не угодно ли ему будетъ написать поршпретъ одной дамы; что въ случаѣ его согласія назначены будутъ дни и часы для сеанса. Я получила опвѣщъ, сличила почерки, и нашла, что то писмецо и это опвѣщъ писаны одною

рукою. — Далѣ, Синьоръ Вольдемаръ, я ничего не знаю. Я довольно неоспорочно обнаружила, что Полковница мнѣ извѣсна, и вы пребудете подробнѣйшихъ о ней свѣдѣній. Я гошова вамъ помочь, но мнѣ надобно все знать, хотя бы только для удовлетворенія женскаго любопытства.»

Джіакомо между тѣмъ собрался съ мыслями, сѣлъ къ Синьорѣ Розаліи на диванъ, и началъ шакъ: «Человѣку и сны ошъ Зевеса! Судьбѣ угодно было, чтобы уша мои выдали чужую шайну, а вамъ, любезная Розалія, угодно было спящаго болшуна подслушать. Эпо перспѣ Божій! сказалъ бы Панглось, и лучше не могло бы случиться въ семь лучшемъ изъ возможныхъ міровъ! Все къ лучшему! Еслибъ я спящій не выболшалъ шого, что поклялся хранить шайною, то бодрствующій не рѣшился бы вамъ, прелесная Синьора Розалія, ее ошкрыть; а вы, добрая Розалія, по швердостии своего характера конечно ошказали бы намъ въ своей помощи. Теперь все другое! Я не имѣю причины скрывать шого, что вы уже знаете, а вы конечно, узнавъ ошальное, ошодно намъ поможете. И шакъ, все къ лучшему! — Прошу же слушать, повѣшествованіе мое будетъ очень корошко.»

«Только чтобы было и ошкровенно!» прибавила Синьора Розалія.

« Не имѣю причины, правдолюбивая Синьора, къ истинѣ примѣшивать вымыслы. Живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, владѣтель огромнаго имѣнія въ живописныхъ городахъ Исполиновыхъ. Машери своей онъ лишился на двѣнадцатомъ году возраста, отца своего два года предъ симъ. Онъ воспитанъ соопвѣстивенно своему сану и богатству, но не по обыкновенной мѣсодѣ. Человѣку нельзя дать того, чего въ немъ нѣтъ, и истинное воспитаніе помогаетъ только развитію душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и великое искусство потребно уже только для того, чтобы не мѣшало оному развитію, или не давало ему несвойственнаго ему направленія. Это правило, коимъ старый Графъ руководствовался, сохранило молодого Графа отъ многихъ дурачествъ, глупостей и предразсудковъ, прививаемыхъ молодымъ людямъ высокаго званія. Молодой Графъ имѣлъ полную волю дѣлать, что хотѣлъ; уклоненіе съ прямого пути къ чему либо безразсудному было предусматриваемо и отклоняемо, или вспрѣчало въ старомъ Графѣ грознаго и неумолимаго карателя. Молодой Графъ имѣлъ полную волю разсуждать, какъ хотѣлъ; и старый Графъ ему еще помогалъ и доводилъ его разсужденія до послѣдней границы возможнаго, или до послѣдней точки превысренности, съ кою молодой Графъ

могъ окинуть однимъ взоромъ или все заблужденіе, или все изыщесство своихъ мыслей. Бывъ часно свидѣшелемъ такихъ бесѣдъ, я неоднократно имѣлъ случай и причины удивляться смѣлости и рѣзкимъ рѣчамъ молодаго, и хладнокровію, перпѣнію и искусству спараго Графа. Ихъ бесѣды походили совершенно на Duo, въ копоромъ играютъ варіаціи на одну и ту же тему попеременно то пошъ, то другой. Часно спарикъ только вшорилъ; иногда игралъ и Solo, но не выходилъ ни изъ тона, ни изъ такта, въ копоромъ обыкновенно начиналъ молодой Графъ. Часно походили они на двухъ пылкихъ коней, пущенныхъ въ ристалище, и напрягавшихъ свои силы, что-бы опередить другъ друга. Присовокушше къ сему, что молодой Графъ ни въ чемъ не былъ снѣсяемъ, ни въ занятіяхъ, ни въ увеселеніяхъ, имъ избираемыхъ, ни въ расположеніи дня; тогда вы, прелесная Розалія, повѣрите мнѣ, если я скажу, что онъ весьма рано научился смотрѣть на все, его окружающее, совсѣмъ иначе, нежели другіе, что сердце его чисто, какъ стекло вашего уборнаго зеркала, и что онъ пріобрѣлъ, можешь быть излишнюю довѣренность къ самому себѣ. Онъ учился всему, чего нынѣшнее воспитаніе пребуеетъ, и имѣя опличныя способности, оплично во всемъ успѣлъ.

Ему было двадцать четыре года, когда старый Графъ скончался, и онъ вступилъ въ наслѣдство и управленіе огромнымъ имѣніемъ. Первое время онъ провелъ непримѣнно въ разныхъ распоряженіяхъ; но когда онъ все привелъ по своему мнѣнію и желанію въ порядокъ, когда имѣлъ много свободного времени, то ему наскучила единообразная и одинокая жизнь въ помѣстьяхъ своихъ. Однажды вечеромъ, сидя въ своемъ кабинетѣ погруженный въ мысли, онъ вдругъ вскочилъ, прошелся по комнатѣ скорыми шагами, и сѣвъ опять на свое мѣсто, сказалъ: «Я думаю, любезный Вольдемаръ, что какъ у Шекспира находятся намѣки, указующіе въ какомъ смыслѣ должно понимать или характеръ какого либо лица или всю пьесу, такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки, указующіе, что ему надлежитъ дѣлать.» — «Сомнѣваюсь, опивчалъ я, намѣки спихопворца произвольные; въ человѣкѣ».... «Поспой! поспой! перервалъ онъ меня; ты Шекспира не понимаешь, другъ мой; у Шекспира нѣтъ ничего произвольнаго, и намѣки въ его пьесахъ не его; эти намѣки невольныя обнаруживанія характера лицъ самихъ. Такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки. Напримѣръ, скажи мнѣ, для чего еще въ томъ возрасѣ, когда я не умѣлъ отличать хорошее отъ дурнаго, для чего родилась во мнѣ такая

спрасъ къ Италіанскому языку, когда гос-
подспвуесть у насъ во всемъ Галломанія?
Для чего родилась во мнѣ спрасъ къ жи-
вописи, когда, по мнѣнію нашихъ умниковъ,
мнѣ, какъ Графу, приличнѣе было бы поку-
панъ, нежели самому писанъ каршины? для
чего? — «Ваша душа искала пици и заняшій,
сказаль я, а что вы избрали преимуще-
ственно языкъ Италіанскій и живопись, это
дѣло случайное.» — Онъ возразилъ: «какъ
Аспрологъ Сени, въ Валеништейнѣ, говоришь,
что нѣтъ ничего маловажнаго; шакъ я шебѣ
скажу, что нѣтъ ничего случайнаго. Все
имѣесть свою причину, свою цѣль; все въ
связи. Но мы слишкомъ близоруки, чтобы
видѣть часпи, все связующія; а бѣдный умъ
нашъ, мудрспвуя, часпо разрываесть сію
дивную шонкую шканъ; и это источникъ
всѣхъ бѣдспвій. Если бы мы болѣе прислу-
шивались къ самимъ себѣ, какъ мы должны
прислушиванъся къ рѣчамъ Шекспировыхъ
лицъ, если хошимъ понять ихъ характеръ
и ихъ дѣйспвія, то конечно не сбивались
бы съ пуши, предначершаннаго судьбою. Я
прислушался къ себѣ. Спрасъ моя къ Ита-
ліанскому языку и къ живописи, двумъ пред-
метамъ въ пониманіи моемъ неразрывнымъ,
указываюнь мнѣ на Италію. Ожидаетъ ли
меня тамъ что, или нѣтъ; я шого знаши
не могу. Но я хочу видѣть ту землю, ко-

порая мнѣ и въ Исторіи являеяся лучезарною, хочу видѣть сію опчизну военнаго величія, духовной власпи и изящныхъ искусствъ.» — «Вижу, опвѣчалъ я ему, что вы прислушались къ себѣ; на моемъ языкѣ это значить— вы возымѣли желаніе путешествованъ, видѣть людей.» — «Точно, перервалъ онъ, при этомъ случаѣ хочу видѣть и людей; людей, Вольдемаръ; не Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и пр., но людей, Вольдемаръ, людей.» — «А развѣ Герцоги, Графы, Маркизы и пр. не люди?» спросилъ я. — «Люди, опвѣчалъ онъ, но шочно такъ какъ и акшеры на сценѣ люди; въ этомъ пшепрѣ я еще успѣю побыванъ. А чшобы мнѣ возможно было видѣть людей, шо я воспользуюсь своимъ искусствомъ и, опшавивъ дома пышность и Графскій шипуль, кошорые насъ опъ людей, или людей опъ насъ удаляють, опсправившись въ сопровожденіи шолько одного слуги, подъ именемъ живописца Лоренцо. Если, прибавилъ онъ улыбаясь, если вамъ, почшпеннѣйшій Вольдемаръ, угодно мнѣ сошупшествованъ, шо я не опкажусь опъ удовольствія вашей бесѣды; однако не иначе, какъ съ шѣмъ, чшобы Вольдемаръ благоволилъ промѣнянъ сіе звучное имя на другое, не менѣе звучное, на примѣръ, Джіакомо и хранишъ свое и мое званіе и имя какъ шайну.» — Тысяча мыслей, одна другой пріятнѣе,

зашевелились въ моей неутомонной головѣ. «Я
гошовъ, воскликнулъ я въ восхищеніи; вмѣ-
сто кляпвеннаго обѣщанія, вопъ вамъ моя
рука, Графъ! Прикажете закладывать!» —
«Не горячись, Синьоръ Джіакомо, сказалъ
онъ, приказаніе уже дано. Завпра въ шессть
часовъ упря мы ѣдемъ.» — У Графа все уже
было приготоовлено. Съ портфелью, каран-
дашами и красками, съ кошелькомъ, наби-
тымъ червонцами, и съ нѣсколькими вексе-
лями, мы на другой день въ назначенный часъ
сѣли въ коляску, и оправились.

Нѣсколько помолчавъ, Джіакомо продолжалъ:
«хотя я и принадлежу къ нѣмъ харакперамъ,
для коихъ, въ теоріи и на практикѣ, жизнь
не иное что какъ *une partie de plaisir*; кои,
убѣгая глубокихъ размышленій, не столько по-
учающихъ, сколько смущающихъ человека,
любующся карпинами прошедшихъ дней, не
любопытствуютъ поднять завѣсу будущаго,
и пользуются настоящимъ, срывая цвѣтки ве-
селія и наслажденія, гдѣ находятъ: однако я
начинаю вѣрить, что есть въ человѣкѣ на-
мѣки, о коихъ говорилъ Графъ. По крайней
мѣрѣ, жизнь Графа, еслибъ онъ не оставилъ
своихъ помѣспевъ, выпилулась бы въ едино-
образную нить вѣчности; шунъ жизнь его
дѣлается драмою, копорую надобно разыграть.
Узелъ завязался въ Венеціи.

Но я долженъ, внимательная Синьора Розалія возвратиться за нѣсколько лѣтъ назадъ, дабы повѣствованіе мое имѣло надлежащую связь и ясность. Если я прежде сказалъ, что начинаю вѣрять намѣкамъ въ челоѣкъ, то теперь я долженъ еще присовокупить, что бывающіе событія въ жизни челоѣческой, кои по внезапности своей, или по сокровенности внутренней связи, столь чрезвычайны, что челоѣкъ, ихъ видѣвшій находясь вдругъ на межѣ двухъ міровъ, приходишь въ недоумѣніе, и, отвергавъ прежде ихъ возможность, наконецъ начинаешь вѣрять тому, чему умъ смѣялся, потому что оно смѣется уму. За два года до кончины спараго Графа, молодой Графъ по дѣламъ семейственнымъ посланъ былъ оптомъ своимъ въ одно изъ сѣверныхъ Государствъ Европы. Я былъ его сопутникомъ. Нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда нашего шуда, познакомившись съ лучшими домами въ городѣ, мы однажды приглашены были однимъ богатымъ помѣщикомъ и знаемымъ чиновникомъ на балъ, копорый онъ давалъ въ загородномъ своемъ домѣ, въ чепырехъ миляхъ отъ города. Все, чѣмъ роскошь и утонченность вкуса прельсннть могутъ глаза и воображеніе, все, кажется было придумано и выполнено, а пріятность и любезность хозяйки и привѣтливость хозяина, возбуждали во всѣхъ госпяхъ веселый духъ и

поддерживали общее удовольствіе. Предъ всѣми опличался въ панцахъ — Графъ, съ дочерью хозяина, прелесною дѣвицею, созданною, кажется, для того только, чтобы поселять въ муцинахъ сердечную тоску. Графъ въ началѣ былъ чрезвычайно веселъ; но вдругъ, по причинѣ мнѣ и по нынѣ неизвѣстной, веселость его исчезла, и когда время клонилось къ полуночи, онъ, подошелъ ко мнѣ, шепнулъ, что намѣренъ по шихоньку уѣхать. Но какъ онъ ни шепталъ, однако споявшій позади меня Баронъ Массингеръ, копорый принадлежалъ къ первымъ нашимъ знакомствамъ въ томъ городѣ, услышалъ его слова, и сказалъ ему: «вы собираетесь домой, Графъ; признайтесь, и я желаю бы быть уже на покой. Если угодно, поѣдемъ вмѣстѣ.» Графъ согласился. Мы по шихоньку удалились изъ залы, опыскали своихъ людей, накинули шубы, и сани закричали по снѣгу. Погода была прекрасная, ночь свѣшлая. Не опѣхали мы и полмили, какъ поднялся сильный вѣтръ, и кучеръ спросилъ Графа, не прикажетъ ли ворошиться, потому что подымается мѣтель, и впереди до города нѣтъ ни деревни, ни хаты. — Ему приказано было продолжати путь.»

«Не желаю, чтобы споль нѣжный цѣшокъ, какъ вы, прелесная Розалія, когда либо, или по собственному желанію, или по спре-

дѣленію судьбы, перенесенъ былъ въ пѣспраны, кошорыя благотворное солнце освѣщаешъ споль крапкое время. Вы, щаспливая Синьора Розалія, родились въ благословенныхъ поляхъ Италіи, и ваше воображеніе, имѣя предъ собою всегда прелеспнѣйшія карпины Природы и Искусства, не знаешъ ужасовъ Сѣвера, гдѣ взоръ не любитъ медленнымъ развишіемъ весны и ея почекъ, гдѣ природа, дѣйствуя скрыпно и быспро, лишаешъ насъ восхищительнаго зрѣлища развивающейся красопы, гдѣ въ одну ночь безцвѣпная спрана превращается въ роскошную жизнь расщипельнаго царства, гдѣ прелести Природы мгновенно исчезающъ, скрываясь за снѣжными облаками. Солнце удаляется, спѣша скрыться подъ горизонтномъ, медлишь появленіемъ своимъ пробуждаешъ смерпныхъ къ новой дѣяшельности; земля лишается своихъ украшеній; все цѣпенѣшъ въ морозъ, и какъ кровь въ жилахъ спынешъ при наспусленіи смерпи; такъ быспрѣйшее движеніе рѣкъ слабѣшъ, печенія нѣшъ. Снѣгъ и мракъ длинныхъ ночей покрывающъ землю. Горе пуннику, выѣхавшему изъ многолюднаго города въ дорогу, ведущую чрезъ необозримое поле, и пересѣкаемую дальними селеніями, когда заснигаешъ его вѣпръ и вихрь. Снѣжная пыль поднимается съ земли, спускаешъ съ облаковъ — небо и земля исчеза-

юпъ — всюду бѣлая пѣма! Самый зоркій глазъ не видитъ далѣе десяти шаговъ! бѣлая дорога сливается съ необозримымъ полемъ! нѣтъ слѣдовъ, и надобно, или остановиться, или продолжать путь свой на удачу. Въ обоихъ случаяхъ угрожаетъ величайшая опасность, и часто встрѣчаютъ неизбежную смерть.»

«Снѣжная пыль начинала уже подыматься и кружиться въ воздухѣ. Кучеръ еще разъ спросилъ Графа; не прикажетъ ли ворошиться? Но Графъ, не зная еще опасности, съ гнѣвомъ повпорилъ прежнее свое приказаніе. Баронъ не опсавалъ. Вскорѣ кучеръ остановилъ лошадей, и объявилъ, что онъ сбился съ дороги. Долго совѣщались, въ какомъ направленіи ѣхать. Наконецъ кучеръ просилъ позволенія предоставить лошадямъ волю идти, куда хотятъ, говоря, что это единственное средство въ такихъ случаяхъ, и что лошади обыкновенно попадаютъ на какую либо дорогу. Графъ согласился, и дабы намъ не пошлеть другъ друга, по коренную лошадь ѣхавшаго за нами Барона привязали къ задку нашихъ саней. Такимъ образомъ ѣхали мы съ часъ, какъ кучеръ остановилъ лошадей, говоря, что-то впереди въ весьма близкомъ разстояніи виднѣется. Послали лакея узнать; это была хижина въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоявшая. Холодъ и опасеніе опять

сбихся съ дороги заспавили насъ искапъ въ сей хижинѣ убѣжища, и обождапъ, пока митель пройдепъ.»

«Графъ, прошивъ своего обыкновенія, во все время нашего спранспивованія молчалъ, погруженный въ задумчивость. — «Здѣсь, видно, царство смерти,» сказалъ Баронъ, выходя изъ саней; «не слыхалъ и лая собаки.» — Мы вошли въ сѣни. — «Едва ли здѣсь кто живепъ,» продолжалъ Баронъ, «и мы принуждены будемъ сидѣть въ пошмапъ.» — Въ сіе мгновеніе лакей, опыскавши ощупью дверь, отворилъ ее. Мы оспановились пораженные свѣтомъ и спраннымъ зрѣлищемъ, копорое намъ предспавилось. Лакей, оцѣпенѣвъ, и выспавивъ свои глаза, держалъ въ рукѣ дверь, не зная, что дѣлалъ. У спѣны прошивъ опкрыпной двери споялъ длинный сполъ, на копоромъ горѣло восемь свѣчъ, посспавленныхъ въ шомъ порядкѣ, въ какомъ спавяпъ геридоны около гроба; проспранспиво сполы, ими заключаемое, было покрышо бѣлымъ полошномъ; за споломъ на скамѣ, проспиравшейся вдоль по всей спѣнѣ, въ проспѣнкѣ двухъ оконъ, сидѣлъ человекъ высокаго роста — голова его была совершенно лыса — изсохшее его продолговатое лицо, съ оспрыми подбородкомъ и носомъ, не оживлялось никакимъ цвѣшомъ — на лбу надъ лѣвымъ глазомъ видѣнъ былъ красный, какъ бы кро-

всю налипший рубецъ — оловянные глаза его, коихъ взоръ устремленъ былъ на сполъ, бѣлый плащъ, покрывавшій, какъ саванъ, всѣ прочія части его тѣла, и неподвижность всей фигуры, могли бы свидѣтельствовать, что онъ сокрушилъ запоры своего гроба и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи спрашнаго суда, если бы судорожное движеніе устъ и лѣвой щеки не доказывали, что онъ принадлежалъ еще къ живымъ.»

«Графъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая получить отъ меня какое либо объясненіе, и первый вошелъ въ комнату, за нимъ Баронъ и я. Дверь за нами сама захлопнулась, и каженся, каждый изъ насъ вздрогнулъ. Вдоль боковыхъ стѣнъ стояли длинныя скамьи, а по лѣвую руку видна была еще одна дверь. Впрочемъ все было голо, и даже не видашь было и иконы. Мы съли, я по лѣвую, Графъ и Баронъ по правую руку сполы, въ нѣкошоромъ отъ онаго разстояніи. Баронъ, не скрывавшій ни въ какихъ случаяхъ своего вольнодумства, хохотавшій, вѣроятно, и тогда выказавъ свою храбрость, посматривалъ съ язвительною улыбкою на спрашнаго человека и на Графа, сидѣвшаго въ задумчивости, которая меня болѣе тревожила, нежели спрашный незнакомецъ. Нѣсколько минувъ продолжалась безмолвная сцена. Вдругъ незнакомецъ медленно

поднялъ голову, обратилъ пускые свои глаза на Барона и сказалъ глухимъ гробовымъ голосомъ: «се царство смерши! Тебя, кощунъ, ожидаешъ великое нещасье.» — Баронъ примѣнно вспревожился, но желая выдержавъ свой характеръ, собрался съ духомъ и отвѣчалъ ему: «если тебѣ дано слышать какъ распахъ права, и видѣшь что кроется за завѣсою будущихъ временъ; по благоволіи изъ глубины премудрости пвоей возвѣспнишь лестнѣйшее.» — «Въ царствѣ смерши не лспяшь!» сказалъ незнакомецъ. Щеки и уста его пришли въ сильнѣйшее движеніе. — «Внимай, кощунъ!» продолжалъ онъ; «прежде, нежели солнце прижды совершинъ свой пупъ, ты изъ міра порядка увидешъ въ міръ смятенія, пипнадцать лѣтъ тебѣ суждено, не узнавать ни себя, ни другихъ; попомъ возвращиши свѣтъ въ душу пвою, но только для того, чтобъ ты позналъ плачевнѣйшее соспояніе свое. Тогда ты впорично сойдешъ съ ума и въ бѣшенствѣ умрешъ.» — Баронъ молчалъ, пораженный споль ужаснымъ предсказаніемъ. Графъ не выходилъ изъ задумчивости своей, но на лицѣ его выражалось спокойствіе. Я не зналъ, что думашъ: считашъ ли незнакомца за высшее существо, копорому извѣстны судьбы смершнихъ, или попались мы въ сѣти обмана, а можешь быть, въ опасное для жизни нашей мѣсто. Глубокое

молчаніе, воспослѣдовавшее за предсказаніемъ, перервалъ опять незнакомецъ, медленно обрапившій свое ужасное лице ко мнѣ, и сказавшій: «се царство смерти, а не царство лжи и обмана, и жизнь швоя и шоварищей швоихъ безопасна.» — У меня волосъ спалъ дыбомъ. — «Долго,» продолжалъ онъ, «обращаясь къ Графу, «долго я тебя ждалъ, Графъ.» — При сихъ словахъ Графъ вышелъ изъ своей задумчивости. — «Кшо ты?» спросилъ онъ незнакомца рѣшительнымъ голосомъ. «Кшо тебя послалъ? и по чему ты меня знаешь?» — «Не спрашивай меня. Не въ моей власни состоишь, опивчашъ на швои вопросы. Знай, чшо для меня нѣтъ ни времени, ни проспраншва. Человѣкъ слѣтъ, яко кроптъ! онъ веселился на канунѣ смерти! чаша удовольствія увѣнчана цвѣтами, но она оправлена горечью и ядомъ. Подойди ко мнѣ, Графъ.» — Графъ вспалъ, и подошелъ къ нему съ нѣкоторою робостью. — «Смошри, Графъ!» сказалъ незнакомецъ, вынувъ изъ подъ плаща лѣвую руку, которая принадлежала болѣе скелету, нежели живому человѣку, держа ея блестящее серебряное блюдо, — «смошри, Графъ,» повторилъ онъ, повернувъ блюдо къ глазамъ Графа. Графъ смошрѣлъ въ блюдо, лицо его начало измѣняться, волосъ подымался. — «Не робѣй, юноша!» сказалъ онъ. «Ты видишь послѣднюю сцену.» И вскорѣ

пошомъ спряхалъ блюдо опяль подъ плащъ. Молча споялъ Графъ какъ испуканъ, успремивъ глаза на незнакомца. Баронъ сидѣлъ съ поникшею головою, вперивъ взоры свои въ полъ. Я неперпѣливо ожидалъ развязки. Графъ, сдѣлавъ движеніе, чшобы возврашиться къ своему мѣсту, вдругъ сильно встревожился, оспаваясь у спола, къ кошорому подошелъ. — «Не робѣй!» сказалъ незнакомецъ. «Свобода еспъ плодъ повиновенія! Соберись съ духомъ! Смощри, Графъ.» — Съ сими словами онъ вынулъ изъ подъ плаща правую руку, держа въ ней зеркало. — «Смощри, Графъ!» повощорилъ онъ. Графъ бросилъ робкій взглядъ на спекло; взоръ его прояснился! на успахъ появилась улыбка и на лицѣ его изображалось удовольствіе и радость. — «Графъ!» сказалъ незнакомецъ и спряхалъ зеркало опяль подъ плащъ; «ны хощѣлъ знанъ, кшо я!» Графъ молчалъ. — «Познай меня!» — Съ сими словами онъ сдернулъ бѣлое полошшо со спола, и взоры Графа пали на вдѣланнй въ споль спальной лиспъ. Лице его поблѣднѣло, онъ зашашался, и схвативъ себя за лобъ, бросился изъ ханы вонъ. Мы почувсшвовали сильный запахъ мершваго. Баронъ глубоко вздохнулъ, но сидѣлъ неподвижно. Я хощѣлъ броситься за Графомъ, коего сосшояніе меня сильно встревожило, но никакъ не могъ вспашъ. Спрашнйй незнакомецъ сидѣлъ спокойно на своемъ

мѣспѣ, покрывши опять сполъ полошномъ, и обращая свои спрашныя глаза по на Барона, по на меня. — «Скажи,» обратился онъ наконецъ ко мнѣ, «скажи Графу, чпо я съ нимъ еще увижусь!» — Вдругъ свѣчи погасли, мы оспались въ глубокомъ мракѣ, а надъ нами раздался тяжкій стонъ. Хоша робоспъ мною и овладѣла, однако я не совсѣмъ лишился памяти и присущствія духа. Почувспвовавъ свѣжій воздухъ вокругъ себя, мнѣ какъ-то спало легче; и увѣрившись, чпо могу ноги свои привести по волѣ въ движеніе, я вскочилъ. — «Баронъ! вы шупъ?» спросилъ я громкимъ голосомъ. — «Тупъ!» ошвѣчалъ онъ. Схвативъ его за руку, копорая сильно дрожала, я пошацилъ его за собою вонъ изъ избы. Мы вышли на улицу; мшпель уже прошла; сани Бароновы спояли въ гошовности. — «Гдѣ Графъ?» спросилъ я. — «Уже давно уѣхалъ,» ошвѣчалъ лакей. «Слышали ль вы спенаніе?» спросилъ я. — «Ничего, сударь, не слышали; все было шихо, какъ въ могилѣ.» Мы сѣли въ сани, и лошади помчали.»

«Камердинеръ Графа вспрѣшилъ меня съ лицомъ спспревоженнымъ. Графъ очень боленъ, сказалъ онъ. «Давно ли онъ пріѣхалъ?» спросилъ я. «Съ полчаса,» ошвѣчалъ камердинеръ; «онъ ходилъ по комнапѣ, блѣдный какъ смерть, оспанаавливался, говорилъ несвязныя рѣчи, блуждалъ глазами, чего-то боялся. Въ изне-

моженіи онъ упалъ безъ памяти на софу; я его поскорѣ раздѣлъ, положилъ въ постель и послалъ за докторомъ.» — Въ сію минушу вошелъ и докторъ. Мы пошли къ больному. Графъ лежалъ въ постель съ сомкнутыми глазами, похожій болѣе на мертваго, нежели на живаго; холодный потъ выступалъ на лицѣ его. Докторъ, щупая пульсъ, качалъ головою. На вопросы его о причинѣ болѣзни я отвѣчать не могъ, чувствуя сильное отвращеніе разглашанъ столь спранный произшествіе. «Я думаю,» сказалъ я ему, «что Графъ сильно простудился. Докторъ качалъ головою. Прописавъ лекарство и подавая мнѣ рецептъ,» соблюдайше, «сказалъ онъ,» совершенную нишину; малѣйшій спукъ можетъ лишить его жизни. А когда проснешся, то поспѣйшише ему дать лекарство, на которое я впрочемъ и самъ не надѣюсь. Черезъ шесть часовъ, если онъ еще будетъ живъ, я опять буду.» — Я остался съ камердинеромъ у постели больного. Что въ душѣ моей тогда происходило, я описать не въ состояніи. Если бы Графъ не въ такомъ былъ положеніи, то я все счелъ бы за спрашное сновидѣніе. Умъ мой, не могши согласиться съ дѣйствительностью видѣннаго мною, перелся въ разныхъ догадкахъ, и чѣмъ болѣе я спарался все объяснить и видѣнь въ семъ произшествіи хипросплетенія обмана, тѣмъ болѣе оно

спановилось для меня неизъяснимымъ. Черезъ часть Графъ проснулся и быспро поднявшись въ поспелъ, смопрѣлъ на меня дикимъ взоромъ долго, долго, какъ будто усиливаясь что-то припомнить. — «Такъ и ты,» сказала онъ наконецъ, «переселился въ царство мершвыхъ? — Ты Вольдемаръ? — да! шакъ! почно! — я помню. — Смерть не успѣла еще совсѣмъ испребишь моей памяти. — Ты Вольдемаръ. — Смерть быспра — я думалъ опъ нее ускакашь, но не въ свои сани сѣлъ. — Кони мчали — кучеръ погонялъ ихъ дикимъ голосомъ — снѣгъ клубился около меня — холодъ впекалъ въ жилы — свиспъ и вой въ воздухъ — все спановилось шемнѣе — мрачнѣе — сани черныя — шо не сани были — шо былъ гробъ — а коней погоняла смерть — мы прѣхали къ врагамъ царства мершвыхъ. — Смопри какое спеченіе прѣхавшихъ! — Намъ, Вольдемаръ, надобно подождать, пока насъ пропуспашъ.» — Сказавъ сіе, Графъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ. Молча камердинеръ подалъ ему чашку съ лекарствомъ; Графъ машинально ее взялъ, долго на нее смопрѣлъ и наконецъ выпилъ. «Ты кто?» закричалъ онъ вдругъ ужаснымъ дикимъ голосомъ и бросилъ чашку, кошорая разлетѣлась на мелкіе кусочки. «Прочь исчадіе ада! прочь призракъ!» и упалъ опянь безъ памяти на подушку. Вскорѣ выспунилъ сильный потъ, лице его пылало!»

«Не спану вамъ, прелестная Розалія, въ подробностяхъ описывашъ ужаснаго положенія моего друга и благодѣтеля; ни соспожня души моей, кошорая, при споль плачевномъ зрѣлищѣ, невольно вспоминая необыкновенную причину онаго, волновалась спрахомъ и надеждою. Графъ долго оспавался въ безпамятствѣ, и спрашныя фанпазіи, кошорыми онъ бредилъ и мучился, опносишъ всѣ къ пому произшесствію, и вѣрояшно къ шѣмъ явленіямъ, кошорыи онъ видѣлъ въ серебряномъ блюдѣ, въ зеркалѣ, и въ спальномъ листѣ. И шогда даже, когда спараніями медика больной получилъ облегченіе, и здоровѣе его начало, хоши очень медленно, возвращашъся, и шогда еще воображеніе его было въ сильномъ дѣйствіи, но пораждало, кажется, пріипиѣйшія каршины. Ибо во время перелома болѣзни, послѣ глубокаго сна, продолжавшагося придцашъ шесть часовъ, Графъ вздохнулъ, какъ обыкновенно вздыхаюшъ, чувствую большое облегченіе, шихо капнулись слезы изъ его глазъ, улыбка освѣжила его лице. «Посмотри,» сказалъ онъ мнѣ слабымъ прерывающимся голосомъ, «посмотри, Вольдемаръ, ангель мой передо мною; какъ ее зовушъ, я не знаю — но она моя — моя, Вольдемаръ, — она назначена для меня — она ждешъ меня — сей часъ буду. — Вольдемаръ! . веди меня къ ней.» Съ шого времени онъ

становился все спокойнѣе, всѣ его мечпанія имѣли одинъ только предметъ — ее; и когда онъ уже въ состояніи былъ сидѣть въ постелѣ, онъ велѣлъ себѣ подать бумагу и карандаши, началъ что-то черпать, но рука его еще слабая, дрожала, и онъ долженъ былъ оставить свое предпріятіе. Здоровье его возстановлялось, хотя и медленно, и когда ему уже позволено было опять заниматься своими любимыми предметами; то онъ ежедневно заперся въ своемъ кабинетѣ, и кончивши картину, коей занимался, позвалъ меня однажды къ себѣ въ кабинетъ, и снявъ пологно, коимъ картина была покрыта, сказалъ: «смотри, Вольдемаръ, вотъ плодъ моей болѣзни!» — На картинѣ изображена была женщина необыкновенной красоты и привлекательности. — «Что ты молчишь, Вольдемаръ?» сказала Графъ, когда я въ безмолвномъ восхищеніи смотрѣлъ. «Что скажешь?» — «Сожалѣнія достойно было бы,» отвѣчалъ я, «если бы столь прелестный цвѣтокъ дѣйствительно когда нибудь явился въ жизни!» — «По чему же такъ?» спросилъ Графъ, явно смущенный сею мыслью. — «Потому,» отвѣчалъ я, «что время, все измѣняющее, все пожирающее, не пощадило бы и его. Представивъ же себѣ померкшими сіи чистѣйшіе глаза, въ коихъ видна душа, ко всему доблестному и изящному пламенѣющая, сіи ла-

нипы, въ розахъ коихъ покоялся всѣ Граціи и Амуры, покрытыми браздами спароспи; и эпи двѣ сферы.... Графъ! такая мешаморфоза наводитъ на меня ужасъ, и желаніе мое, чѣмбы никогда подобное существо не пипалось плодами земли, весьма еспешивенно.»—«За чѣмъ же,» возразилъ Графъ, «дѣло времени предоспалявъ воображенію? Наслаждайся наспоющимъ, скажешь тебѣ всякій мудрецъ.»—«Хорошо,» опивчалъ я, «еслибъ челоѣку дано было жить въ наспоющемъ! Онъ живетъ только или въ прошедшемъ, или въ будущемъ; наспоащаго для него нѣтъ. Наспоащее-только скоросечныя мгновенія, съ быспрошою молніи гонимыя будущими къ прошедшимъ. — «А развѣ,» сказалъ Графъ, «плачевную швою мешаморфозу не лзя замѣнить другимъ чѣмъ?»—«Чѣмъ?» спросилъ я.—«Я воображаю,» сказалъ Графъ, «что такое существо, въ то самое время своего совершенсва, когда оно, такъ сказавъ, споишъ на межѣ Природы и Искусва, дѣлаеиъ добычею смерши! Въ такомъ случаѣ, образъ его, какъ идеаль красопы, будетъ вѣчно жить въ сердцѣ и фанназіи видѣвшихъ его.»—«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «горе, прикрасы горе тому, кто, вступивъ въ сферу сего сущесва, преисполнилъ душу свою сладчайшими ощущеніями блаженсва, копорому бы и боги завидовали.» — Графъ, опусивъ по-

пихоньку полошно, закрыль опянь карпину. Изъ фанпазій его во время болѣзни, изъ жара, съ какииъ онъ принялся за кисти, чшобы одушевитиъ полошно сею карпиною, изъ меланхолии и грусти, съ какою онъ разсмащивалъ собственное свое, испинно удивительное произведеіе, я съ душевнымъ прискорбіемъ замѣнилъ, что гнѣздилась въ его головѣ та мысль, что сіе существо, порожденное его разгоряченнымъ воображеніемъ, должно существовать въ мірѣ, и съ нимъ когда нибудь соединиться. Но я молчалъ, боясь, воспоминаніемъ прошедшаго, распрвоживъ его воображеніе; не могъ рѣшиться сказаъ ему и того, что пошъ спранный человекъ съ нимъ еще увидишся; шѣмъ болѣе, что Графъ самъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «Любезный Вольдемаръ! Въ воображеніи моемъ лежатъ, такъ сказаъ, обломки какого-то спранныго и спрашнаго произшества, изъ коихъ я щещно усиливаюсь соспавить нѣчто цѣлое. Я не помню, было ли оно на яву до моей болѣзни, или только въ хаотическомъ смяшеніи карпинъ распаленнаго горячкою воображенія; но я прошу себя, ни когда не упоминаъ мнѣ о томъ, что со мною было; не считаю нужнымъ, чшобы и другіе про то знали. А какъ дѣла мои на сихъ дняхъ приведены будутъ къ успѣшному окончанію, то поспрудись все изгоспосивъ въ дорогу. Надѣюсь, дня черезъ

при, или чепыре, бывъ на возвращномъ пути домой.»—Принявъ сіе приказаніе, я поспѣшилъ къ Барону Мессингеру, котораго я до сихъ поръ къ Графу не допускалъ, и просилъ его, чтобы онъ при прощаніи съ Графомъ опшудъ не упоминалъ о прошедшемъ. Баронъ далъ и сдержалъ слово. Происшествіе было для всѣхъ тайною. Человѣку, видѣвшему эту сцену, я тогда же, по возвращеніи домой, сомкнулъ уста, увѣривъ его, что мерзвецъ, котораго онъ видѣлъ, объявилъ, что кно про него большае будетъ, подвергнется ужасному наказанію, и совѣщивалъ ему быть оспороженнымъ. Человѣкъ радовался, что еще не успѣлъ ни кому о томъ разсказать. Баронъ молчалъ, или приведенный въ недоумѣніе, или боясь компрометировать свой здравый разумъ. Я видѣнному ни вѣрилъ, ни не вѣрилъ; предсказаніе, сдѣланное Барону, не выходило у меня изъ памяти, и съ нетерпѣніемъ ожидая назначеннаго срока, просилъ я одного пріятеля Баронова, и моего, извѣщать меня по временамъ о Баронѣ. По окончаніи дѣла, для коего Графъ былъ посланъ, мы возвратились въ свое опещество. Графъ, пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, сдѣлался по прежнему спокойнымъ и веселымъ; по временамъ только находилъ я его сидящимъ въ глубокой задумчивости предъ своею карпиною. Веселія и наслажденія, коимъ я по прежнему предавался, совершенно изгла-

дили изъ моей памяти то происшествіе. Но представьте себѣ, нѣжная Синьора Розалія, шопъ громовой ударъ, коимъ я пробужденъ былъ опъ усыпленія разноцвѣтной усладительной жизни, когда, за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего опѣзда въ Италію, я получилъ письмо, извѣщавшее меня, что Баронъ Мессингеръ лишился ума.»

«Праведный Боже!» воскликнула Синьора Розалія, сплеснувъ руками. «И шакъ судъ Твой совершился! Нечестивецъ Тобою взысканъ!» — «Какъ!» сказала Джіакомо, «вы знаете Барона Мессингера?» — «Знаю,» опвѣчала она. «Но прошу васъ продолжашъ. Узнавши, что Баронъ Мессингеръ, знакомое вамъ лицо, собеснвенныя мои выгоды пребуюшъ, чшобъ я вамъ рассказала пресупленія сего изверга. Но теперь прошу продолжашъ вашъ разсказъ.»

Джіакомо продолжалъ шакъ: «Я вамъ, прелесная Синьора Розалія, уже сказалъ, что узелъ драмы, которую Графу надобно разыгранъ, завязался въ Венеціи. Въ прелесныхъ окрестностяхъ сего города, которыя вамъ, Синьора, знакомы, въ шести миляхъ опъ города находилъ дача, копорая живописнымъ своимъ положеніемъ привлекаешъ взоры любителей Природы, изящеснвомъ и пышностью дворца и другихъ спроеній напоминаешъ, что служишъ мѣстопребываніемъ челоѣку знатному, богатому, образо-

ванному. Утро было восхитительное, когда Лоренцо, пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего слуги, несшаго за нимъ портфель и ящикъ, приближался къ сему дворцу, коего обладателемъ онъ былъ приглашенъ. Чистое и ясное небо, благораспоренный воздухъ, разнovidная природа имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на Лоренцо; сердце его преисполняется живѣйшихъ ощущеній, воображеніе его пылаетъ, всѣ силы душевныя быстро развиваются, онъ погружается въ какое-то мечтательное упоеніе, и тогда бесѣда его открываетъ несмѣнныя сокровища мыслей, и рѣчь его, спановясь живѣйшимъ изображеніемъ его идей, изливается быстрымъ потокомъ, увлекая за собою удивленнаго слушателя. Но со всплуненіемъ его въ кабинетъ Графа Пизани сіе расположеніе духа исчезло. Лоренцо началъ озирашся и вперишь испытующій взоръ на Графа, который, въ свою очередь, удивлялся, видя предъ собою человека, неподвижно стоящаго и озирающагося, подобно тѣмъ, кои, пробудившись отъ живѣйшаго сновидѣнія, и не зная проснулись ли они, или еще во снѣ, усиливаются припомнить, гдѣ находяшся. Приписавъ это однакожъ, по самолюбію человѣческому, особенно сильному въ высшихъ званіяхъ, дѣйствію высокаго своего сана, величественности своего вида, и блеска его окружающаго, Графъ

вспаль съ важностью, и, подошедъ къ Лоренцо, сказалъ: «слава вашей книси возбудила во мнѣ желаніе съ вами лично познакомиться. Но я вижу, что вы не со всѣмъ здоровы, и сожалью, что вы принудили себя немедленно послѣдовать моему приглашенію.»

Лоренцо, опомнившись послѣ сихъ словъ, отвѣчалъ: «извините, Графъ! Бываютъ случаи въ жизни человѣческой, которыхъ умъ никакъ не можетъ постигнуть, и кои по сей самой причинѣ приводятъ насъ въ замѣшательство. Я теперь нахожусь въ подобномъ случаѣ. Увѣренъ будучи, что я въ первый разъ спою на семь мѣсѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что я уже видѣлъ и сей самый кабинетъ и предсѣдщаго мнѣ Графа; но щещно усиливаюсь припомнить, гдѣ и когда? Это меня приводитъ въ недоумѣніе. Прошу васъ, Графъ, меня извинить, и располагать моею готовностью къ услугамъ вашимъ.»

«Это дѣйствительно странно!» сказала Графъ. «Я васъ въ первый разъ вижу; я знаю, что вы никогда въ семь кабинетъ не бывали; и вы его видѣли! Если вы въ первый разъ въ Венеціи, то вы меня также нигдѣ не видали, развѣ лишь двадцать шому назадъ, во время моего путешествія по Европѣ, въ одномъ изъ сполчныхъ городовъ оной; но и это дѣло невозможное; попому

что тогда вы еще были малолѣтны. А съ тѣхъ поръ я изъ Венеціи не выѣзжалъ, развѣ только на свою дачу, а изъ дачи въ Венецію. Но оставимъ эту задачу, прибавилъ Графъ. Не споймъ, можетъ быть, труда ее разгадывать. Искусство, въ которомъ вы столько оплечаетесь, будетъ конечно пріятнѣйшимъ для бесѣды нашей предметомъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ, что вы, Синьоръ, оплечаетесь въ порптрешной живописи.»

«Я ею занимаюсь, но ее не люблю,» отвѣчалъ Лоренцо. «Порптрешная живопись собственно не есть искусство, Графъ; по крайней мѣрѣ, не искусство въ высшемъ смыслѣ.»

«Это сколько прошиворѣчитъ моимъ понятіямъ,» сказалъ Графъ, «что вы безъ сомнѣнія меня много обяжете, Синьоръ, если не скроете отъ меня причинъ, на коихъ основывается ваше мнѣніе.»

«Порптрешная живопись,» отвѣчалъ Лоренцо, «есть подражаніе Природѣ, исключяющее творческую силу фантазіи. Въ порптресахъ уважаютъ обыкновенно нѣжную кисть — это мастерство; и разительное сходство, — и это мастерство, а не искусство; поочью такъ, какъ сдѣлать *fac simile* какого нибудь почерка, не есть искусство, а мастерство. Въ сеансѣ живописецъ имѣетъ предъ собою или лицо безобразное, или лицо обыкновен-

ное, незначительное, или лицо прелестное. Въ первомъ случаѣ положеніе его весьма непріятно, и пѣмъ непріятнѣе, что ожидающъ онъ него, чтобы онъ, сохранивъ сходство, искусно скрылъ недоспадки природы; между пѣмъ, какъ онъ одною черпою желалъ бы возвысить безобразіе до идеала въ своемъ родѣ и пѣмъ доставивъ нѣкоторое удовольствіе и занятіе своему воображенію. Во второмъ случаѣ положеніе его еще хуже; ибо ничтожность какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, проотивна; угодливый хочеть льстившъ, ш. е. изъ сферы ничтожности вывести въ высшую сферу значительности, и дѣлаея лжецомъ, покинувшимъ дѣйствительность и не переселившимся въ область идеаловъ, висящимъ, такъ сказать, между небомъ и землею. Въ третьемъ случаѣ, который весьма рѣдко встрѣчается, перебувають наиболѣе почтосши, полагая, что Природа превзошла Искусство, и что довольно славы для Искусства, если оно въ почтосши повторитъ Природу. Все же, что не изъ творческой силы фантазіи произтекаетъ, есть мастерство, но не Искусство.»

«Я съ вами въ томъ согласенъ, Синьоръ,» отвѣчалъ Графъ. «Но вы поставили порпретиспа на низкую степень кописта. Порпретиспъ свою задачу еще не рѣшилъ, когда онъ сдѣлалъ *fac simile*: ш. е. когда онъ

перенесъ на холстину только наружность лица. Кажется, Синьоръ, поспребно, чпобы въ лицъ видна была и душа.»

«Эпо доказываетъ только доброту вашего сердца, Графъ,» сказалъ Лоренцо, «если вы думаете, что всякое лицо, сидящее предъ живописцемъ, оживлено душою. Только въ лицъ того человека, который живетъ въ мѣрѣ идеальномъ, видна душа, видна не только въ глазахъ, но и во всемъ складѣ лица его. Таковыхъ смертныхъ не много; всѣ же прочіе спятъ, пьютъ, ѣдятъ, производятъ на свѣтъ дѣшей, и оканчиваютъ свое поприще, какъ начали, бывши во всю жизнь свою машиною; а въ машинахъ, согласись, Графъ, души быть не можетъ.»

«Спало быть,» сказалъ Графъ, «рѣшипельный вашъ приговоръ, что поршпенная живопись есть только масперство, допускаетъ ограниченіе.»

«Допускаетъ, Графъ,» отвѣчалъ Лоренцо. «Она можетъ быть и Искусствомъ въ высшемъ смыслѣ, а именно, коль скоро она избираетъ предметы изъ области исторической, или изображая лица неисторическія, избираетъ моменты значительный. Но у многихъ во всей жизни не сыщется ни одного такого момента. Жизнь ихъ не есть удивительная разнообразная пѣканъ, но предлинная нѣтъ, наводящая длиною своею скуку и

испребляющая всю жизнь въ лицѣ. А тѣ, кои имѣютъ въ жизни своей такіе моменты, въ кошорыхъ вся сила души ихъ изображалась на лицѣ, не открываютъ сей тайны живописцу, а довольствуются тѣмъ, что бы онъ ихъ изобразилъ сидящими въ креслахъ и тому подобное, однимъ словомъ, въ совершенномъ покоѣ, въ кошоромъ душа скрывается подъ безцвѣтнымъ покрываломъ скуки. Высшее требуется отъ портретиста, избирающаго предметы свои изъ области исторической. Тутъ предстоитъ живописцу труднѣйшая задача, сочлать видимое съ невидимымъ, данное съ искомымъ, въ происхожденіи буквы, смысла и духа. Смотря на портретъ великаго государя, великаго полководца, великаго мыслителя и пр., мы ищемъ въ чертахъ его, такъ сказать, доказательство его величія, и портретистъ, перенесшій на холстину со всею точностью наружность его лица, конечно не рѣшилъ еще своей задачи. Портретъ такого лица долженъ быть немою, къ кошорой вся жизнь его есть комментарий. Сего портретистъ иначе достигнуть не можетъ, какъ посредствомъ творческой силы фантазіи, создавъ не идеалъ, но лицо, принадлежащее къ области идеальной съ самоспопелною индивидуальностью. Тогда только портретистъ становится живописцемъ, и написанное имъ

изображеніе переспаетъ бытъ произведеніемъ масперспва, является пвореніемъ Искуспва. — Но позволъте, Графъ, еще разъ предложипъ мою гошовноспъ къ услугамъ вашпмъ.»

«Послъ сего, что вамъ сказано, не знаю,» сказалъ Графъ, «могу ли вамъ предложипъ писатъ портретъ лица неисторического. Но если вы согласны со мною, что бывающъ и неисторическія лица съ возвышеннымъ образомъ мыслей и чувспвованій, и если опцу проспшптельно желаніе имѣтъ портреты своихъ дѣтей, съ копорыми, можетъ бытъ, скоро разспанется; то я просилъ бы васъ написатъ портретъ единспвенной моей дочери.»

«Графъ!» отвѣчалъ Лоренцо, «еслибъ живописцы хощѣли и на пракпикѣ держатъся своихъ умозрѣній, то конечно они имѣли бы много празднаго времени; впрочемъ нѣтъ правилъ безъ исключенія. Позволъте вамъ еще разъ предложипъ мои услуги.»

«Графъ Пизани, немогшій согласоватъ величавоспъ и гордоспъ Графа Кольмара съ живописцемъ Лоренцо, пришелъ въ нѣкопоре замѣщателспво, и молчалъ, ненашедшпсь топчасть, что сказатъ.»

«Въ сію минупу безмолвія опворилась боковая дверь. — Неумѣспно было бы, Синьора

Розалія, описываешь вамъ красоту и преле-
сти вошедшей юной Жозефины, и не до-
спало бы у меня испуска въ словахъ,
какъ въ зеркаль, показавъ вамъ ея образъ.
Пусть собственное ваше воображеніе соз-
дастъ существо, въ которомъ непоспужи-
мымъ образомъ сливается въ одну магиче-
скую силу все, что сердце преисполняетъ
блаженствомъ, что въ чувства вливаетъ
чистѣйшую сладость, что оковываетъ умъ,
или даетъ ему высшее стремленіе, что во-
ображенію кажется мечтою идеальнаго міра.
Вы, безъ сомнѣнія, теперь полагаете, что
Лоренцо, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ.
Правда! Лоренцо чувствовалъ, что земля
подъ нимъ колеблется, исчезаетъ; но на
блѣдномъ его лицѣ выражалось не восхищеніе,
а страхъ и ужасъ! Ухватясь за спудъ, воз-
лѣ него споявший, онъ едва могъ сказать:
«Графъ! я нездоровъ,» — Графъ, сдѣлавъ
дочери знакъ удалиться, посадилъ Лоренца
въ кресла, и позвонивъ, приказалъ вошед-
шимъ людямъ оповести Лоренца въ назна-
ченныя для него комнаты, сказавъ ему:
Вамъ нуженъ покой, Синьоръ! Вы, безъ со-
мнѣнія, сами желаете удалиться. Лоренцо
подаль головою знакъ согласія. Его опвели.
Жозефина, уходя, остановилась въ дверяхъ,
и долго смотрѣла на Лоренца, чего однако
же занятый имъ отецъ замѣнилъ.»

«Какъ прискакалъ за мною въ Венецію: «Maestro Lorenzo очень нездоровъ! Приказалъ васъ немедленно просить къ себѣ.» — Я пріѣхалъ туда, когда день уже склонился къ вечеру. Лоренцо ходилъ въ задумчивости по комнатѣ. — «Вы нездоровы, Лоренцо? что съ вами случилось?» спросилъ я. — «Былъ нездоровъ,» отвѣчалъ онъ, «теперь мнѣ лучше, и когда съ тобою объяснюсь, то, думаю, совсѣмъ буду здоровъ. Садись, Джіакомо, и выслушай меня. Помнишь ли ты, продолжалъ онъ, то время, когда мы, за два года до кончины моего родителя, находились на Сьерѣ? помнишь ли, что съ нами встрѣнилось, когда мы возвращались съ бала съ Барономъ Мессингеромъ домой?» — «Помню,» отвѣчалъ я, «но не охотно вспоминаю.» — Онъ продолжалъ: «то происшествіе кончилось для меня тяжкою болѣзью; и съ тѣхъ поръ оно покоилось въ глубинѣ души моей, превозжа меня по временамъ, какъ нѣчто невѣдомое. Сегодня со вступленіемъ въ кабинетъ Графа Пизани, оно начало постепенно высунуться и развиваться, и съ появленіемъ Жозефины спояло со всѣми подробностями и во всей ясности предъ моимъ воображеніемъ. Кабинетъ Графскій, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, самаго Графа, и наконецъ дочь его, Жозефину, я видѣлъ — въ зеркалѣ спрашнаго незнакомца. Мнѣ предлагаютъ пи-

сашь ея порпренъ , а порпренъ ея уже давно написанъ! Она ша самая, копорую я видѣлъ въ зеркалъ, ша самая копорую воображеніе мое съ непоспнжимою ясностью произвело во время болъзни, ша самая копорую киспъ произвела на холспѣ.» — «Какъ!» воскликнулъ я удивленный. — «Точно шакъ, какъ я шебъ говорю,» продолжалъ Графъ. «Скажу еще болѣе: Она ша самая, копорая наполняетъ собою мое сердце и всѣ мои помъшленія.»

«Я до шого удивленъ, Графъ!» сказалъ я, «что и не знаю что думашъ.»

«Ни швое, ни мое удивленіе, не объяснпшь намъ сего непоспнжимого собыпнія. Можешъ бышъ, время все опкрывающее, обнаружпшь и эту шайну. Въ догадкахъ и соображеніяхъ перпшся я не намъренъ; но очень не худо было бы опкрпшь шого спрашнаго незнакомца, и я прошу шебя, Джіакомо, ничего не упускашъ изъ вниманія, и если хопъ малъйшій покажешся слѣдъ къ опкрпшю его, помчасъ мнѣ о шомъ сказать.»

«Графъ!» сказалъ я ему. «Тороппшся, кажешся, не нужно. Я имъю опъ него къ вамъ порученіе.»

«Какъ!» воскликнулъ Графъ. «Такъ шы съ нимъ видѣлся? гдѣ? когда?»

«Тамъ же и шогда же,» опвѣчалъ я, «когда и вы съ нимъ видѣлись. Вспомнпше, что вы послѣ шого, что онъ вамъ показывалъ въ

спальномъ лиспѣ, бѣжали изъ избы; Баронъ же и я, мы принуждены были оспаться на мѣстахъ, не имѣвъ силы вспасть. И тогда онъ мнѣ сказалъ: скажи ты Графу, что я съ нимъ еще увижусь! — «Слѣдовательно,» сказалъ Графъ, «этошъ незнакомецъ принадлежишъ къ живымъ; и опъ него можно будешъ попотребовашъ объясненія.» — «Графъ! опвѣчалъ я, «вы знаете, сколь мало я вѣрю въ привидѣнія и духовъ, пошому что не могу поспигнушъ возможности оныхъ; не эшо происшествіе споль спранно, по крайней мѣрѣ, предвѣдѣніе незнакомца сполько меня поразило, что, не соглашаясь считашъ его за пришельца изъ другаго міра, не могу также согласишъся и полагашъ его въ числѣ живыхъ. Онъ зналъ мои мысли, онъ показалъ вамъ шѣ лица, между кошорыми вы теперь находишесь, онъ сдѣлалъ предсказаніе, кошорое исполнилось.» — «Какое?» спросилъ Графъ. — «Баронъ Мессингеръ, кошорому предсказано было, что онъ изъ міра порядка ввидешъ въ хаосъ смѣшенія — дѣйствительно лишился ума.» — Графъ смопрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — «Я получилъ извѣстіе о шомъ,» продолжалъ я, «не за долго до нашего опъѣзда въ Италію и не сообщалъ вамъ его, боясь вспревожишъ ваше воображеніе.»

«Какъ бы шо ни было,» сказалъ Графъ послѣ нѣкошораго молчанія, «кшо бы онъ ни

былъ, кажется, я не долженъ его считатьъ врагомъ. Одно только меня смущаетъ и тревожитъ — двусмысленность его оракула! Ибо я видѣлъ и Жозефину, подающую мнѣ съ ангельскою улыбкою прелестнаго младенца, и себя — казнимаго на лобномъ мѣстѣ съ Бакаловичемъ и Шельдинымъ. Впрочемъ, не поспигая какими бы нунями, мною избираемыми, я могъ дойти до столь почешнаго мѣста, я предоспаляю все времени, завязывающему и развязывающему узлы.»

* * 6.

НЕДОСОЗДАНИЕ.

Вотще онъ стонетъ изступленный;

Ему не внемлетъ Фебъ скупой:

И гибнетъ мѣръ новорожденный

Въ еруди безсильной и нѣмой.

Хомяковъ.

Есть существа, рожденныя съ чувствомъ Поэзіи, съ воображеніемъ живымъ и шворящимъ, съ обиліемъ идей, — и при всѣхъ сихъ стихіяхъ Поэта безмолвствующія не изъ скромности, не отъ лѣни, или скупаго эгоизма. Нѣтъ! онъ болѣетъ своею шворческою полношю, онъ мучится внутреннимъ своимъ плодородіемъ; но не могутъ ничего произвести. Созданія свѣжія, прелестныя, возвышенныя, зараждающія въ душѣ ихъ, и умираютъ зародышами до появленія на свѣтъ. Имъ недоспаетъ дуновенія жизни, воплощенія въ формы оцущительныя.

Человѣкъ, надѣленный симъ внутреннимъ шворческимъ, чувствующій необходимость

облечь свои мечпы въ живое слово, хочеть бышь Поэшомъ. Передъ нимъ мелькають слова огненные, окриленные, возносящіяся надъ плѣніемъ земнымъ, могущія пережить вѣки и гошовыя пролились пламенною спруею въ души современниковъ и попомспва. Онъ ловишь ихъ съ напряженнымъ усилениемъ, но они ускользають опъ него, какъ рѣзая бабочка опъ руки младенца; и если удастся ему поймать изъ нихъ хопя нѣсколько, то онъ, упранивъ прежнюю свою прелеснь и свѣжеснь въ изнурипельной бишвѣ, упрямо ложатся подъ перомъ его, не у мѣста, безъ блеска, безъ единспва, безъ связи, вялыми и безжизненными. Спихъ его, кошорый до словесной своей оболочки казался ему чистымъ, звучнымъ, сладоспнымъ, шеперь является слабымъ, грубымъ, шероховатымъ, и дикимъ ревомъ ондается въ слухъ самого Поэша-пруженика. Въ жару негодованія, онъ предаетъ огню недосозданныхъ своихъ первенцевъ, и спыдился собспвенной чловѣческой немощи передъ своею силою духовною.

Онъ хочеть бышь живописцемъ, остано-вишь живошворною кистью на полопинѣ быспрый полешъ своей фанпазіи. Условія искуспва ему извѣсны: онъ изучалъ ихъ по образцамъ вѣковымъ, самобышнымъ. Мысленный взоръ его видишь надъ собою черпы свѣшлыя, плѣнипельныя, опраженіе небесна-

го на землѣ; онѣ проникнуты ярко-блещущими красками радуги; жизнь, какъ въ зеркалѣ, освѣчивается въ нихъ; но жизнь высшая, идеальная. Онѣ вскакиваютъ въ во-споргѣ, спѣвши набросавъ ихъ на полош-но; но сіи черпы, за минушу споль совер-шенныя, споль ясныя, споль полныя, вы-казываются изъ-подъ его киспи разрознен-ными, несвязными и мушными. Прошла ми-нуша вдохновенія; представленіе споль жи-вое испарилось изъ воображенія Художника; и щещно онѣ силился собрать воедино сіи разбросанныя черпы: изъ нихъ никогда не выйдешъ прекраснаго цѣлаго... Неблагодарная киспи покрываетъ слоями одной краски сей прудъ неблагодарный.

Но естѣ еще возможность осуществитъ свои созданія, естѣ еще средство Художни-ку дѣйствовать быстро и сильно на сердца и души: онѣ хочешъ быть музыкантомъ. Цѣлый міръ звуковъ зыблется надъ нимъ, вѣсьняется въ его душу и рвется вылинь-ся изъ нея свѣтлою, очаровательною рѣкою сладкогласія. Онѣ слышишь гармонию небесъ; самыя дивныя созвучія опшываются въ ухахъ его и сливаются въ одно спройное цѣлое.... О! поспѣшай, поспѣшай схватишь ихъ и водворишь въ своемъ произведеніи по законамъ гармоніи!... Поздно! онѣ положилъ ихъ на ношы, ударилъ пальцами по струнамъ — и

самъ изумился разногласію созданія съ произведеніемъ. Звуки сладостныя, лелѣющіе слухъ и достигающіе до сердець, ослепѣли въ эфирную свою оптизну; оспались шолью неспройные, ревушіе аккорды, раздирающіе слухъ своею жесткостью, либо произвительнымъ визгомъ. Или, если они и подчинены правиламъ, подведены подъ ладъ и единство; то уже ушрашили первобытную новостъ и своеобразностъ, и сдѣлались ушомительными для слушающаго, слабо напоминая ему нѣчто знакомое и лучшее. Художникъ-Иксіонъ влянешъ свою лживую Юнону-фантазію, обольстительный призракъ безъ осязанія и сущности, и шоронисси испребишъ земную невѣрную шѣнь ея.

/ Обманушій въ своихъ начинаніяхъ, не довѣряя болѣе своимъ мечтамъ, онъ сифшишъ уединишъ въ самого себя. Тамъ міръ свѣшлый и шворящій, міръ идеаловъ и мыслей, всегда новыи, всегда юный, всегда заманчивый оняшъ объемлетъ его и заспаваляетъ ушѣшишъ въ неудачахъ. Тамъ созданія, образы, звуки, цвѣта, попеременно и спройно улаждающъ его чувства духовныя. Но сей міръ не даетъ душѣ покоя: онъ шерзаетъ, шоминшъ ее, поминушно приводя въ болѣзненныя сошрясенія, подобно избытку крови въ здоровомъ шѣлѣ; онъ просишъ жизни, просишъ воплощенія въ сущешвенностъ....

Онъ пересиливаетъ и страхъ, и досаду, и недовѣрчивость своей жертвы, — и новыя попытки ея соспавляютъ только цѣпь новыхъ, убійственныхыхъ разочарованій....

Пусть объяснятъ намъ Физиологи причину сего страннаго недосозданія; пусть они докажутъ намъ: опъ чего воображеніе пылкое, богатство мыслей, короче, всѣ спихи Поэза, какъ мы уже сказали выше, бывающъ еще недостапчны для художественной производительности? Мы видимъ явленія сего загадочнаго раздора двухъ силъ: внутренней и внешней, подозрѣваемъ его дѣйствія; но причина его еще сокрыта опъ насъ завѣсою непроницаемой. Лафатеры, Галли, Алиберы! вы должны рѣшить сію задачу.

О. Сомовъ.

